

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С82

Tamara Ireland Stone
EVERY LAST WORD

Copyright © Tamara Ireland Stone, 2015
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Александры Самариной*

Художественное оформление и иллюстрация на переплете
Анастасии Ивановой

Стоун, Тамара Айленд.
С82 До последнего слова / Тамара Айленд Стоун ;
[пер. с англ. А. Самариной]. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102829-9

Дружба с «Безумной восьмеркой» – самыми красивыми и успешными старшеклассницами – обеспечила Саманте популярность в школе. Но никто не знает, что уже пять лет она скрывает ото всех свои навязчивые идеи, внезапные приступы паники и одержимость числом три.

Однажды Саманта отправляется в школьный театр и случайно попадает на одно из собраний «Уголка поэтов», участники которого читают свои стихи. В этом месте, среди аутсайдеров и изгоев школы, впервые в жизни она чувствует, что ее тревожные мысли и страхи исчезли. Она наконец может быть нормальной.

Саманта проникается симпатией ко всем ребятам «Уголка поэтов», особенно к Эй-Джею, который так здорово играет на гитаре. Она мечтает стать частью их мира. Но как это сделать, если не умеешь писать стихи и уж тем более не решишься прочесть их перед незнакомцами?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-102829-9

© Самарина А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается К.
и другим неповторимым мамам*

Полугодом ранее

Зря я это прочла.

Хейли подрезает розу и передает мне. Пока привязываю блестящей розовой ленточкой открытку к колючему стеблю, невольно успеваю ее прочесть. Записка, пожалуй, слишком помпезная, но все же милая. Передаю цветок Оливии, и она опускает его в ведро.

— Ничего себе! Во дает... — фыркает Оливия и заливается смехом, перевернув открытку. Видимо, она тоже их читает. — Кажется, я знаю, кто ее написал, но... Бедняжка. Плохо ее дело.

Чье-то неудачное трогательное стихотворение передается по кругу. Алексис в истерике падает на мою кровать. Кейтлин и Хейли стгибаются пополам на ковре. Затем к ним присоединяюсь и я.

— Какие мы злые. Давайте не будем их читать, — предлагаю я, втыкая розу в самый центр ведра и искренне желая защитить этого безымянного парня, решившегося признаться в своих чувствах какой-то девчонке по имени Джессика, с которой вместе ходит на занятия по математике.

Оливия берет стопку открыток, лежащую напротив меня, и начинает ее перебирать.

— Господи, кто все эти люди и откуда мы их знаем?

— Может, все дело в том, что мы не изгой какие-нибудь? — предполагает Алексис.

— Да и школа у нас большая, — встревает Хейли.

— Ладно, вернемся к работе. Цветы вянут. — Кейтлин, все еще посмеиваясь, возвращается к роли организатора нашей благотворительной акции в честь Дня святого Валентина. — Оливия, если тебе так нравятся открытки, поменяйся местами с Самантой.

Оливия резко качает головой, и ее хвостик подлетает в воздух.

— Ни за что. Мне нравится моя работа.

— Я могу поменяться. У меня все равно руки устали, — замечает Хейли, и мы с ней меняемся местами.

Я беру из ведра новую розу и поднимаю с пола ножницы. Но стоит моим пальцам скользнуть в кольца этих самых ножниц, как сознание пронзает пришедшая из ниоткуда мысль. Толком не успев ничего предпринять, я чувствую, как мозг вонзает в мысль свои клыки, не желая ее отпускать, и готовится оказать мне сопротивление. Рука начинает дрожать, во рту пересыхает.

Это же просто мысль.

Ножницы падают на пол, а я несколько раз встряхиваю руку и оглядываю присутствующих, проверяя, не смотрит ли кто.

Все под контролем.

Повторяю попытку. Роза в одной руке, ножницы — в другой. Сжимаю пальцы крепче, но руки какие-то неуклюжие и непослушные, пальцы подрагивают, из них все выскальзывает. Поднимаю взгляд на Кейтлин, которая сидит напротив. Ее лицо кривится и подергивается дымкой, а на меня накатывает головокружение.

Дыши. Отвлекись на другую мысль.

Стоит обрезать только одну розу — и все пойдет как по маслу. Я уверена. Я возьму следующую розу, а потом еще одну, и буду их укорачивать, пока не останутся лишь горы стеблей, листьев и лепестков.

А потом я изрежу на мелкие кусочки все эти невыносимо слащавые, выведенные аккуратным почерком открытки. Все до единой.

Господи, какой ужас.

А потом я подскочу с ножницами к Оливии и отрежу ей волосы.

Черт. Отвлекись на другую мысль. На другую мысль.

— Мне бы воды, — говорю я, стоя посреди комнаты и искренне надеясь, что никто из девочек не замечает бисерин пота, выступивших у меня на лбу.

— Что, прямо сейчас? — спрашивает Кейтлин. — Саманта, ты нас задерживаешь!

Ноги у меня ватные, не уверена, что смогу спуститься по лестнице, но вдруг обнаруживаю, что давно распрощалась с ножницами и теперь сжимаю перила. Спешу на кухню — там засовываю руки под холодную воду.

Вода очень холодная. Слушай ее шум.

— Ты как, в порядке? — Вопрос Пейдж прорывается сквозь голоса у меня в голове. Только в этот момент я замечаю, что моя младшая сестренка сидит за кухонной стойкой и делает уроки. В тот же миг мой взгляд падает на подставку, утыканную ножами. И на пару ножниц.

Я ведь и впрямь ей едва не отрезала волосы.

Широкими шагами пячусь, а потом вдруг врезаюсь спиной в холодильник. Ноги подкашиваются, и я сползаю на пол, закрыв глаза ладонями и продолжая повторять свою мантру в крошечной темноте.

— Сэм, открой глаза, — доносится до меня откуда-то издалека мамин голос, и я подчиняюсь ее словам. Опустив руки, я вдруг замечаю, что мы с ней сидим нос к носу. — Давай поговорим. Прямо сейчас.

Бросаю испуганный взгляд на лестницу.

— Не волнуйся, — говорит мама. — Никто не узнает. Все наверху.

Слышу, как мама шепотом просит Пейдж взять пачку чипсов, отправиться ко мне в комнату и отвлечь подруг.

А потом так крепко стискивает мои руки в своих, что ее обручальное кольцо больно врезается мне в костяшку.

— Это всего лишь мысли, — спокойно произносит она. — Повтори, прошу.

— Это всего лишь мысли, — вторю ей я. У меня получается скопировать лишь слова, но не твердость голоса.

— Молодец. Все под контролем. — Я отвожу взгляд, и она крепче сжимает мои ладони.

— Да, все под контролем.

Это ложь. Все совсем не так.

— Сколько мыслей ежедневно обрабатывает мозг? — Мама переключается на факты, чтобы помочь мне прийти в себя.

— Семьдесят тысяч, — шепчу я, а слезы капаят на джинсы.

— Правильно. И неужели ты *приводишь в исполнение* каждую из них?

Качаю головой.

— Разумеется, нет. И эта мысль была всего-навсего одной из семидесяти тысяч. В ней нет ничего особенного.

— Ничего особенного.

— Умница. — Мама берет меня за подбородок и приподнимает мою голову, чтобы я посмотрела ей в глаза. — Я люблю тебя, Сэм. — От нее пахнет ее любимым лавандовым лосьоном, и я вдыхаю его запах, чувствуя, как поток новых, более радужных мыслей рассеивает мрачные и жуткие. — О чем бы ты сейчас ни думала, это не страшно. Твои мысли — это *вовсе* не ты. Понятно? А теперь расскажи мне...

Мы уже не в первый раз с ней вот так сидим. Таких случаев не было уже давно, но мама входит в свою роль с привычной легкостью. У нее прекрасная выучка.

— Ножницы, — шепчу я, уронив голову маме на грудь и ощущая себя больной, грязной, униженной. Делиться с ней этими жуткими мыслями мучительно, но водоворот в голове куда страшнее, и рассказать ей обо всем — единственный шанс от него избавиться. У меня тоже неплохая выучка.

— Розы. Волосы Оливии и... Пейдж... — Мама позволяет мне не заканчивать фразу: ей и так все понятно. Она крепче обнимает меня, а я хватаюсь за ее футболку, утыкаясь ей в плечо, со слезами шепчу, как мне стыдно.

— Тебе нечего стыдиться, — говорит она, ласково отстраняет меня и целует в лоб. — Посиди тут. Я скоро приду.

— Не надо... — молю я, но знаю, что она меня не послушает, а сделает то, что должна. Я нервно хватаюсь за шею, впиваясь в кожу ногтями — и так трижды, а потом мама наконец возвращается. Я поднимаю взгляд и вижу, что она опустила на корточки передо мной и протягивает мне ножницы.

— Возьми, пожалуйста.

Мне совсем не хочется их трогать, но выбора нет. Касаюсь кончиком пальца холодного металла и провожу вверх по лезвию, легко, медленно, едва уловимо притрагиваясь к поверхности. Добравшись до колец, ныряю в них пальцами. Мамины волосы совсем рядом, только руку протяни.

Я могла бы их срезать. Но ни за что не стану.

— Молодец. Это всего лишь ножницы. Они пробудили в тебе страшные мысли, но ты не станешь их слушать, потому что *ты* хороший человек, Саманта Макаллистер, — говорит мама, и ее голос звучит уже ближе.

Я бросаю ножницы на пол и отталкиваю их как можно дальше от себя. Обнимаю маму за плечи, крепко прижимаю к себе, надеюсь, что больше этого не повторится, хотя в душе знаю, что это не так. Панические атаки — как землетрясения. Когда земля под ногами вновь становится непо-

движной, мне делается легче, но я знаю, что будет и новый приступ, который я опять не смогу предугадать.

— А что я всем скажу?

Друзьям нельзя знать о моем ОКР¹, о моих мучительных, бесконтрольных мыслях, потому что они — нормальные люди. Можно даже сказать, безупречные. Они ценят в себе эту нормальность и безупречность и даже представить себе не могут, как мне *далеко* до обоих этих качеств.

— Пейдж подрезает розы вместо тебя. Девочки думают, что ты помогаешь мне на кухне. — Мама протягивает мне полотенце, чтобы я вытерлась. — Можешь вернуться к себе в комнату, как только будешь к этому готова.

Я долго сижу на кухне одна, глубоко дыша. Я по-прежнему не могу смотреть на ножницы, лежащие на полу, в дальнем углу кухни, и точно знаю, что на ближайšie несколько дней мама спрячет от меня все острые предметы, но мне действительно легче.

И все же одна жуткая мысль по-прежнему таится где-то на мрачных задворках моего сознания. В отличие от других она на меня не нападает, но пугает совсем по иным причинам. Она никогда не выходит у меня из головы. И ужасает меня сильнее, чем все остальные.

А вдруг я сошла с ума?

¹ Обсессивно-компульсивное расстройство, характеризуется навязчивыми, зачастую пугающими мыслями, которые сложно контролировать, и острым чувством тревоги. — *Прим. перев.*

СЕЙЧАС

Больше всего на свете

Третья дорожка. Я всегда выбираю третью дорожку. Моим тренерам это кажется невероятно забавным. *Причудой* вроде нежелания стирать «счастливые носки» или брить бороду перед важным соревнованием. И замечательно. Пусть и дальше так думают.

Я подхожу к краю бассейна, встряхиваю руки и ноги, делаю несколько упражнений, разогревая мышцы пресса. Сгибаюсь, наклоняюсь к пальцам ног и крепко сжимаю их, а потом смотрю на воду и трижды пробегаю большими пальцами по клейкой ленте на бортике бассейна.

— Пловцы, по местам, — командует голос тренера Кевина, эхом отражаясь от стен, и, когда раздастся свисток, я реагирую совсем как собака Павлова. Кладу ладони одну на другую, выпрямляю руки так, чтобы голова оказалась между ними, и прыгаю в воду; вытягиваюсь, тянусь, удерживаю положение, пока кончики пальцев не вынырнут на поверхность.

А потом наступает десять секунд блаженной тишины, если не считать плеска воды.

Я изо всех сил работаю ногами и руками под ритм песни, которую мысленно проигрываю у себя в голове. Первой

на ум приходит веселая песенка с приставучим текстом, и я начинаю плыть баттерфляем, вскидывая руки над головой прямо в такт зажигательной мелодии. Один удар ногой, второй, гребок. Один удар ногой, второй, гребок. Раз, два, три.

Я и сама не успела заметить, как доплыла до противоположного края бассейна, резко развернулась и с силой оттолкнулась от стенки. Я не смотрю ни вверх, ни влево, ни вправо. Как говорит наш тренер, на время соревнования все, кроме вас самих, теряет значение.

Моя голова поднимается над водой раз в несколько секунд, и в эти мгновения я слышу, как тренера кричат нам, чтобы мы опустили подбородки или приподняли бедра, выпрямили ноги или согнули спины. Своего имени я в их криках не слышу, но все равно проверяю, все ли делаю правильно. Сегодня все кажется правильным, даже я сама. А еще я сегодня на редкость резвая. Ускоряю песню у себя в голове и изо всех сил работаю руками и ногами, преодолеваю последние метры, а когда пальцы касаются бортика, выныриваю из воды и смотрю на часы. Я побила собственный рекорд и пришла на четыре десятых секунды раньше.

Тяжело дышу. Кэссиди с четвертой дорожки дает мне пять и говорит:

— Черт... Ты же меня порвешь на чемпионате в выходные! — Она три года подряд побеждала на этих соревнованиях. Мне ни за что ее не перегнать, и я понимаю, что она сказала это из вежливости, но ее слова все равно искренне радуют меня.

Вновь раздается свисток, и кто-то ныряет в воду совсем рядом со мной, давая понять, что пора выходить из бассейна. Я выбираюсь из воды и иду к полотенцу, на ходу стаскивая резиновую шапочку.

— Ну ничего себе! И откуда в тебе столько сил?! — восклицает кто-то. Я поднимаю глаза и оказываюсь лицом к лицу с Брэндоном. Точнее сказать, лицом к *груд*и. С трудом

заставляю себя перевести взгляд с его тонкой футболки на глаза, преодолев соблазн посмотреть вниз, на его бедра, туго обтянутые шортами.

В то лето, когда я только пришла в бассейн, Брэндон был одним из старших членов нашей команды, быстрее всех плавал вольным стилем, всегда получал больше всего очков на соревнованиях и учил малышей. Но за последние пару лет он успел поступить в колледж и стать младшим тренером — моим тренером! — из-за чего стал совсем непрístupным. И еще более привлекательным.

— Спасибо, — отвечаю я, стараясь выровнять дыхание. — Думаю, я просто вошла в правильный ритм.

Брэндон скалится в белозубой улыбке, и вокруг его глаз проступают морщинки.

— Сможешь это повторить на окружных соревнованиях, а?

Я силюсь придумать остроумный ответ, чтобы он продолжил вот так ослепительно мне улыбаться, но под его выжидающим взглядом мои щеки заливают предательский румянец. Я опускаю глаза в пол, ругая себя за неизобретательность, и смотрю, как стекает вода с моего купальника, образуя лужицу у меня под ногами.

Видимо, Брэндон отследил направление моего взгляда, потому что он вдруг указывает рукой на ряд полотенец, висящих вдоль стены у него за спиной, и бросает:

— Стой на месте. Не двигайся.

Через несколько секунд он возвращается.

— Вот. — Он набрасывает полотенце мне на плечи и энергично их растирает. Я жду, что он вот-вот отпустит его и отойдет, но он не отходит. Поднимаю глаза и вижу, что он смотрит прямо на меня. Словно... словно хочет меня поцеловать. А я смотрю на него так, будто я вовсе не против. Потому что так и есть. Я думаю лишь о нашем поцелуе и ни о чем больше.